

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 332.1

РЕГИОН И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье предпринята попытка содержательного анализа двух понятий – «региональная концепция» и «экономическое пространство», результаты которого дают основание предположить, что проблема концептуализации экономического пространства заключается не в том, что не хватает новых принципов, а в том, что недостаёт осмысления классического наследия и исследований конкретных пространственных экономических систем.

Регион, экономическое пространство, региональная концепция, экономическое районирование, региональное стратегическое планирование

REGION AND ECONOMIC SPACE

An attempt to substantively analyze two concepts – «regional concept» and «economic space» – was undertaken in the article whose results suggest that the problem of conceptualizing the economic space is not that there are not enough new principles, but that there is a lack of understanding of the classical heritage and studies of particular spatial economic systems.

Region, economic space, regional concept, economic regionalization, regional strategic planning

...Природа пространства для социального исследователя кажется окутанной мистической пеленой.

Д. Харви [19, с. 15]

Опубликованная ещё в самом первом номере «Регионалистики» статья «О регионалистике... (некоторые соображения)» [7] имела открытый финал; предполагалось, что она получит продолжение, и мне удастся осветить заявленный сюжет: «регион и экономическое пространство». Настало время выполнять обещанное.

И в качестве отправной точки анализа автор посчитал возможным взять некоторые положения статьи П.А. Минакира [14], опубликованной всё в том же первом номере «Регионалистики». Тем более что автор указанной статьи сформулировал целый ряд вопросов, на которые необходимо, как минимум, попытаться ответить, чтобы в конечном счёте построить непротиворечивую и достаточно полную модель пространственного общественного развития.

Но прежде, чем перейти к упомянутым выше вопросам, зафиксируем одно важное в методологическом отношении положение, сформулированное ещё А. Лёшем: «Если бы все события совершались одновременно, то не существовало бы понятия о *развитии*, а если бы всё происходило на одном и том же месте, то не было бы понятия о *своеобразии*. Лишь пространственный фактор создаёт специфические особенности, развивающиеся затем во времени» [12, с. 452].

Следовательно, необходимо прежде всего определиться с тем, что представляет собой та совокупность объектов, в отношении которых мы собираемся выявить и оценить своеобразие, задаваемое действием пространственного фактора.

И здесь, при всей кажущейся простоте, возникает трудность методологического характера, на которую в своё время обратил Д. Харви: выделение объектов/единиц возможно с использованием как минимум двух типов языков – субстантивных и пространственно-временных. «В первом типе языков объект может быть определён набором его специфических черт... В пространственно-временном языке ... индивидуация зависит от определения расположения объекта внутри системы координат, которая представляет пространство и время. ... Эти две системы языка обладают достаточно различными свойствами, и поэтому смешивать их в процессе индивидуации ... опасно» [19, с. 46]¹.

Применительно к теме нашей работы экономический регион может быть определён и описан посредством набора его специфических черт, то есть мы можем выделить «экономический регион» через набор таких характеристик, как минимальный размер, структура занятости и т.п. Но самая главная характеристика, если речь идёт о современной России, – это статус. То есть регион является единицей административно-территориального деления. Это будет описание на субстантивном языке. И благодаря этому языку описания появляются многочисленные классификации, группировки и рейтинги регионов.

Однако есть ещё одна проблема, о которой авторы различных рейтингов и классификаций, как правило, забывают, а именно: районирование правомерно рассматривать как классификацию. Но «различие между территориальной классификацией и классификацией, не учитывающей территорию, обусловлено включением ещё одного параметра – местоположения.

¹ Здесь следует отметить, что Д. Харви рассматривает понятие «индивидуация» в логико-философском аспекте, как процесс выделения объекта/единицы из множества на субстантивных или пространственно-временных основаниях.

Поэтому даже однофакторный район по сути дела имеет помимо одной дифференциальной характеристики ещё и другую, а именно местоположение» [3, с. 37–38].

Конечно, как бы ни была значима характеристика «местоположение» в классификациях регионов, а районирование – это классификация, учитывающая именно означенную характеристику, не следует её всё-таки абсолютизировать, как не следует абсолютизировать и роль природы. Но и пренебрегать влиянием местоположения и состояния природной среды на динамику и структуру экономики отдельных регионов не следует. Особенно, когда речь идёт не о некоем абстрактном экономическом регионе, а о вполне конкретном экономическом регионе, скажем, о Дальнем Востоке или об Урале.

И здесь следует отметить, что существуют различные уровни теоретизирования или абстракции в пространственном экономическом анализе. Рискну предположить, что своя теория может быть разработана для отдельно взятого экономического региона, и такая теория не может игнорировать ни географических, ни исторических факторов. Причём и географические факторы, и исторические факторы действуют не изолированно друг от друга. И как небезосновательно утверждал А. Геттнер, «величайшей бессмысленностью является такая попытка противопоставлять друг другу исторические и географические причины; и те и другие почти всегда имеются налицо сразу и одновременно» [5, с. 243].

Но есть и другой уровень теоретизирования, именно его имел в виду А. Лёш, когда утверждал, что теория экономических районов, которую он помещал между теорией размещения отдельных предприятий и общей теорией размещения, «пренебрегает, в частности, различиями в природных условиях и до некоторой степени (но не полностью) потребностями городов. Эта теория рассматривает взаимосвязи между всеми производителями и потребителями одного и того же товара и между производителями различных товаров по крайней мере постольку, поскольку они влияют на возникновение крупных городов и магистральных транспортных артерий» [12, с. 32].

Здесь самое время вернуться к вопросам П.А. Минакира, среди которых есть и такой: «как соотносятся регионы и пространство?» [14, с. 7]. Самый простой ответ – как часть и целое – требует пояснения, как это не удивительно. Если целое, то есть экономическое пространство, обладает системными свойствами, что называется, по определению, то и «части», иначе – экономические районы, должны также обладать системными свойствами. И если речь идёт о теории экономических районов в понимании Лёша, то так оно и есть.

Но как только мы переходим в своём анализе от абстрактного экономического пространства к пространству конкретных регионов (и здесь совершенно не важно, на каких основаниях они выделены), ситуация меняется.

Соответствующая проблема в уже упоминавшейся статье П. Минакира, оформлена в виде следующего вопроса: как соотносятся социальные, экономические, географические и административные регионы? [14, с. 7]. Впрочем, этот вопрос можно сформулировать несколько иначе: каким образом соотносятся друг с другом различные системы районов, выделенных по различным основаниям и для различных целей?

Пожалуй, наиболее интересен, а возможно, и актуален, вопрос о соотношении районов экономических и районов административных. В настоящее время в отечественной литературе доминирует представление, согласно которому единицы административно-территориального деления (федеральные округа, субъекты РФ, муниципальные образования), то есть административные районы, тождественны районам экономическим. В общем и целом эта ситуация сложилась не сегодня, а ещё в 1930-е гг., когда был провозглашён принцип единства экономи-

ческого районирования и административно-территориального деления¹. И для советского периода истории России, для которого было характерно тотальное огосударствление экономики, а сама экономика представлялась как единый производственный комбинат, это было вполне логично. Но если мы имеем дело с экономикой рыночного типа, такое слияние, как минимум, далеко не всегда приемлемо.

Коль скоро мы перешли к рассмотрению взаимоотношений между экономическими и административными районами, то неизбежно вовлечение в анализ такого феномена, как институты. Здесь я в полной мере солидарен с тезисом, что экономический анализ на уровне регионов, «нередко смыкаясь с институциональным, ведёт к ревизии ряда устоявшихся представлений о рыночной экономике» [13, с. 22].

Так как я не ставил себе задачу дать здесь всесторонний анализ влияния институтов на динамику и структуру экономического пространства, то позволю себе ограничиться констатацией того, что, во-первых, институциональный подход к исследованию экономических регионов (и неэкономических тоже) пока не сформировался как чётко очерченная область исследований², и, во-вторых, одним из наиболее востребованных институтов в настоящее время является региональное стратегическое планирование (или, возможно, точнее – стратегическое управление).

Применительно к последнему придётся констатировать, что сложившаяся к настоящему времени в РФ практика регионального стратегического планирования, увы, не имеет под собой сколько-нибудь внятной методологической платформы. Хотя общим местом стало утверждение, что такая платформа должна иметь междисциплинарный характер³, всё-таки придётся признать вслед за П.А. Минакиром, что «... не только единой теоретико-методологической основы для междисциплинарных (вложенных) экспериментальных пространственных исследований, но и сопоставимых по степени общности, теоретической полноты и инструментальной мощности конструкций в отдельных дисциплинах, исследующих пространственную форму общественного развития, пока не создано». При этом задача построения платформы междисциплинарного синтеза «является ключевой не только для прогресса научного знания как такового, но и для решения политико-экспериментальных задач» [14, с. 6–7].

Казалось бы, какое отношение всё сказанное выше относительно методологии имеет к практике регионального стратегического планирования? При желании можно было привести немало аргументов из работ самых разных авторов, как отечественных, так и зарубежных. Но ограничимся цитатой из монографии Д. Харви: «Если наши концепции неадекватны или недостаточно продуманны, не стоит надеяться на то, что мы сможем адекватно распознать проблемы и сформулировать подходящие случаю политические рекомендации» [19, с. 25].

Но есть стратегическое планирование регионального развития, и есть региональное стратегическое планирование в РФ. Различий между двумя этими, на первый взгляд, тождественными институтами у нас и у «них» (в экономически развитых странах) немало. Но остановимся только на одном.

¹ Достаточно подробно этот сюжет освещён в [8; 9].

² Этот тезис достаточно аргументировано изложен в [4]. В свою очередь, А.А. Киреев полагает, что существуют нерешённые проблемы, препятствующие созданию интегральной теории региона, а именно: «дифференциация и типологизация функциональных регионов, принадлежащих к различным уровням (видам) пространства; выявление содержания и механизма связей между регионами различного типа; выделение базовых типов региона как основы для построения концепций конкретных интегральных региональных систем; определение объективных ограничений в управлении интегральными региональными системами» [10, с. 23]. Нетрудно заметить, что перечни «проблем» политолога А. Киреева и «вопросов» экономиста П. Минакира очень близки в содержательном плане.

³ Прежде всего заслуживают упоминания [15; 16; 18].

На Западе, начиная с 90-х гг. прошлого века, модель регионального развития, которая предполагала выделение крупных субсидий местным и региональным структурам, «сменилась явной децентрализацией, при которой места сами берут на себя инициативу» [11, с. 137]. И эта инициатива мест находит своё проявление в том, что «места» прибегают к стратегическому рыночному планированию, которое начинается с предположения, что «будущее в основном неопределённо», и в этом смысле региональное стратегирование мало чем отличается от стратегирования корпоративного. Тем не менее предполагается, что «на будущее какого-либо места могут повлиять стратегические действия и планы» [11, с. 137].

Иначе говоря, каждое местоположение и/или их система (то есть район) обладают теми или иными конкурентными преимуществами, которые нередко находятся в латентной форме. И для того, чтобы актуализировать последние, требуется проведение соответствующих исследований (в том числе и полевых). А так как экономические процессы в целом и процессы формирования и развития пространственных систем в особенности имеют по преимуществу инкрементальный характер, то стратегические планы и предусмотренные ими действия предполагают не разовые акции, но постепенное и последовательное развитие конкурентных преимуществ.

Однако в современной России региональное (шире – пространственное) развитие предполагает не децентрализацию и инициативу мест, а скорее централизацию и масштабные инвестиционные проекты, финансируемые из государственного бюджета, которые, по мнению властных структур, инициирующих соответствующие проекты, должны обеспечить экономический рост в регионе своей локализации. Но, как показывает практика, масштабные инфраструктурные (впрочем, не только инфраструктурные, но и так называемые имиджевые) проекты оказывают весьма скромное влияние на экономики регионов. Более того, в ряде случаев реализация такого рода проектов ведёт к незапланированным негативным последствиям¹.

Итак, что в итоге? Во-первых, придётся ещё раз признать, что региональное развитие, а тем более пространственное развитие, предполагает формирование научно-исследовательской программы (методологической платформы), которая бы позволила обеспечить междисциплинарный синтез в исследовании пространственной организации общества и экономики в том числе.

Возможно, для начала следует перенести усилия с исследования современных региональных проблем на исследования того, что есть регион как «квант пространственной организации общества» [14, с. 6], каковы механизмы его развития. Это вовсе не просто хотя бы в силу того, что «экономисты привыкли служить актуальности, служить правительствам» [2, с. 41]. Что тут добавить? Только одно: присовокупить к экономистам социологов, политологов, правоведов и пр.

Во-вторых, всё не так и безнадежно. Есть вполне рабочая концепция, которая может послужить основанием для формирования упомянутой выше платформы междисциплинарного синтеза, – региональная концепция². Что в ней подкупает (помимо содержания, естественно),

¹ Приведём только один пример: реализация проекта «Сочи-2014» помимо всего прочего привела к усилению внутрирегиональной дифференциации. И по другому быть не могло, так как «на Сочи и Краснодар приходилось в последние годы около 70% всех инвестиций в основной капитал региона, следующий за ними Новороссийск привлекал ежегодно 4–5% общего объёма вложений в регион, а значительная часть сельской местности края оставалась недоинвестированной» [1, с. 440].

² Близкой по содержанию к концепции регионализации является и «территориальная концепция», разрабатываемая целым рядом исследователей гетеродоксального толка. В рамках этой концепции центральное понятие – «территория», а не регион или район (последнее характерно для англо-саксонской и российской традиций).

так это то, что с ней знакомы практически все социальные исследователи. Приведём только одно суждение, но весьма авторитетного автора: «Мы можем понять, каким образом социальная деятельность распределена во времени и пространстве, с помощью концепции регионализации» [6, с. 109].

В-третьих, есть, как минимум, ещё одна также обладающая большими возможностями если и не концепция, то, во всяком случае, научно-исследовательская программа, имеющая все признаки междисциплинарности – институционализм. Здесь важно то, что «принципы институциональной (гетеродоксальной) методологии совместимы с характеристиками современных объектов региональной науки» [4, с. 36]. Действительно, кто будет спорить о том, что в исследовании и конкретных экономических регионов, и экономического пространства крайне значимы и принцип историчности, то есть зависимости от пройденного пути, и принцип круговой и кумулятивной причинности, и, наконец, принцип неравномерного развития.

И самое что ни на есть последнее, о чём считаю необходимым упомянуть в тексте данной статьи. Я не искал новые принципы в исследовании экономического пространства и экономических регионов хотя бы в силу того, что полностью разделяю мнение Г. Померанца, высказанное известным культурологом совсем по другому поводу, очень далёкому от тех сюжетов, которые были рассмотрены в настоящей работе. И сформулирована эта исследовательская позиция следующим образом: «Найти новый принцип чрезвычайно трудно – и опасно. Новый, революционный принцип может оказаться разрушительным. Поэтому надо комментировать тексты, выдержавшие испытание временем. Но комментарий вовсе не означает отказа от собственной мысли» [17, с. 245].

Вполне возможно, что обращение к классике в сочетании с исследованиями реальных пространственных экономических систем позволит успешно решить проблему адекватной концептуализации экономического пространства. И здесь просто нельзя не вспомнить ещё одного классика – А. Лёша: «Свободная инициатива нормальных людей при условии, что им предоставляется возможность творить в целесообразных условиях, даёт результаты, в целом желательные как с политической, так и с экономической точки зрения... Могучие дисциплинирующие факторы пространственного порядка стремятся сохранить, несмотря на свободу развития, географические и культурные основы существования» [12, с. 452].

Список литературы

1. Бабурин В.Л., Горячко М.Д. Трансформация городских структур при реализации крупного инвестиционного проекта (на примере «Сочи–2014») // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 433–452.
2. Бродель Ф. Очерки истории. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 223 с.
3. Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
4. Гареев Т.Р. Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 2. С. 27–37.
5. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.–М.: Государственное издательство, 1930. 416 с.
6. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
7. Демьяненко А.Н. О регионалистике... (некоторые соображения) // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 8–17.
8. Демьяненко А.Н. Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 60–88.

9. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
10. Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 18–32.
11. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг территории. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
12. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Иностранная литература, 1959. 456 с.
13. Мезоэкономика развития. М.: Наука, 2011. 805 с.
14. Минакир П.А. Пространство и регионы // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–7.
15. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.
16. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
17. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М.: СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2012. 464 с.
18. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.
19. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

References

1. Baburin V.L., Goryachko M.D. Transformation of Urban Structures under the Implementation of Large Investment Project: A Case Study of Sochi-2014. In: *Problems of Geography. Vol. 141: Problems of Regional Development of Russia*. Moscow, 2016. Pp. 433–452. (In Russian)
2. Braudel F. *Essays on History*. Moscow, 2015. 223 p. (In Russian)
3. Bunge W. *Theoretical Geography*. Moscow, 1967. 279 p. (In Russian)
4. Gareev T.R. Regional Institutionalism: Terra Incognita or Terra Ficta? *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy)*. 2010. No. 2. Pp. 27–37. (In Russian)
5. Hettner A. *Geography, Its History, Essence and Methods*. Leningrad – Moscow, 1930. 416 p. (In Russian)
6. Giddens A. *Sociology*. Moscow, 1999. 704 p. (In Russian)
7. Demyanenko A.N. About Regionalistics... (Some Considerations). *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 8–17. (In Russian)
8. Demyanenko A.N. Region as an Object of Strategic Management in the Frame of the Organization Theory. *Prostranstvennaja ekonomika = Spatial Economics*. 2008. No. 2. Pp. 60–88. (In Russian)
9. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History. Part I*. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
10. Kireev A.A. The Concept of «Region» and Subject-Methodological Problems of Regional Science. *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 18–32. (In Russian)
11. Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*. S.-Petersburg, 2005. 376 p. (In Russian)
12. Lösch A. *Geographical Location of the Economy*. Moscow, 1959. 456 p. (In Russian)
13. *Mesoeconomics of Development*. Moscow, 2011. 805 p. (In Russian)
14. Minakir P.A. Space and Regions. *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–7. (In Russian)

15. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Social Development: Interdisciplinary Interactions of Spatial Projections. *Prostranstvennaja ekonomika = Spatial Economics*. 2011. No. 4. Pp. 124–134. DOI: 10.14530/se.2011.4.124-134 (In Russian)
16. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaja ekonomika = Spatial Economics*. 2010. No. 2. Pp. 6–32. (In Russian)
17. Pomerants G.S. *Notes of the Ugly Duckling*. Moscow – S.-Petersburg, 2012. 464 p. (In Russian)
18. *Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis*. Moscow, 2013. 664 p. (In Russian)
19. Harvey D. *Social Justice and the City*. Moscow, 2018. 440 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Регион и экономическое пространство // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 3. С. 5–12. DOI: [10.14530/reg.2018.3.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.3.5)

For citing:

Demyanenko A.N. Region and Economic Space. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 3. Pp. 5–12. DOI: [10.14530/reg.2018.3.5](https://doi.org/10.14530/reg.2018.3.5) (In Russian)